

УДК 82 1.161.1:821.133.1

**“ФЛОБЕРОВСКИЙ СЛЕД” В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ
В.В.НАБОКОВА (НА МАТЕРИАЛАХ “ЛЕКЦИЙ ПО
ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ” И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ)**

Пасекова Н.В.

У статті розглядаються погляди В.Набокова-критика, що відбилися у лекції про Г.Флобера та є своєрідним коментарем до художньої творчості В.Набокова. Дослідження проблематики та поетики лекції дає широкі перспективи для подальшого вивчення усієї творчості письменника (оповідань, повістей, п'єс, романів), тією чи іншою мірою пов'язаної з традиціями зарубіжної літератури. Ключові слова: письменницька критика, автоінтерпретація, коментар, естетичні погляди.

В статье рассматриваются взгляды В.Набокова-критика, отразившиеся в лекции о Г.Флобере и являющиеся своеобразным комментарием к художественному творчеству В.Набокова. Исследование проблематики и поэтики лекции открывает широкие перспективы для дальнейшего изучения всего творчества писателя (стихотворений, рассказов, повестей, пьес, романов), в той или иной степени связанного с традициями зарубежной литературы. Ключевые слова: писательская критика, автоинтерпретация, комментарий, эстетические взгляды.

The article deals with Vladimir Nabokov's aesthetic views which were reflected in the lecture about Gustave Flaubert and served as comments to the creative work of V.Nabokov. The research of problems and poetics of the lecture opens wide perspectives for further investigation of literary works (stories, novels, plays) in a certain way connected with the traditions of foreign literature

Key words: criticism, autointerpretation, commentary, aesthetic views.

Расширение культурологического контекста современного литературоведения предопределило появление научных исследований, включающих в свой контекст не только сугубо художественное наследие писателей, но и их эпистолярное творчество, публицистические высказывания, мемуаристику, литературно-критические работы. Естественным продолжением изучения идиостиля писателя, на наш взгляд, становится обращение учёных к такому явлению, как писательская критика.

Особенное место, по нашему мнению, занимают курсы лекций по истории и теории литературы, созданные профессиональными литераторами, прочитанные студентам и затем опубликованные для широкого круга читателей. Ярким примером подобных текстов, содержащих субъективный взгляд на историю мировой литературы XIX–XX веков, являются курсы лекций выдающегося мастера словесного творчества В.Набокова.

Исследованию творчества В.Набокова посвящены многие работы А.Долинина, З.Шаховской, И.Гессена, А.Злобиной, Г.Адамовича, Б.Носика, В.Старка, Б.Аверина, Л.Сараскиной, С.Залыгина и других.

Отдельные аспекты проблемы своеобразия Набокова-критика рассматривались современными литературоведами. И то, что ученые по-разному оценивают творчество Набокова как критика, только обостряет необходимость создания отдельного исследования текстов набоковских лекций о литературе. Поэтому специальное обращение к литературно-критической деятельности писателя, а именно “Лекциям по зарубежной литературе”, становится актуальным.

Свои лекции В.Набоков в шутку называл детективным расследованием стиля писателя. В этой шутке большая доля правды, если иметь в виду тщательность этого занятия, требующего от

слушателей предельной концентрации внимания и памяти. При этом основная направляющая сила лектора ведет не в область умпостигаемой “общей идеи” произведения, а в область эстетическую, которая подчиняет себе то, что лежит на поверхности содержания, преобразуя житейскую логику событий и характеров в художественную логику их изображения. “Главное в произведении – структура и стиль, в этом смысле общие идеи не так важны” [6, с. 85], – подчеркивает лектор, придавая понятиям формы, стиля, приема значение инструментов, которые художник использует, чтобы сделать из бедности, даваемой жизнью, некое сказочное богатство.

Своеобразие позиции В.В.Набокова-лектора, его подхода к преподаванию литературы объясняется, как отмечает Л.А.Юркина, тем, “что в “Лекциях” он остается самим собой, то есть писателем и критиком, в творчестве которого ярко отразились черты русского и европейского модернизма” [6, с. 75]. В.Набоков-лектор не скрывает своё пристрастное отношение к творчеству писателей, о которых он говорит. Одним из главных принципов, которым руководствуется критик, является стремление “искать в нём (романе – Н.П.) индивидуальный гений” [3, с. 26]. В.Набоков призывает читателя: “Смотрите на шедевр, а не на раму и не на лица других людей, разглядывающих эту раму” [3, с. 26].

Создание лекций по литературе позволило В.Набокову не только выразить своё понимание идейно-смыслового содержания и художественного своеобразия анализируемых литературных текстов, но и проинтерпретировать и прокомментировать таким образом собственное художественное творчество.

Для Набокова в процессе аналитического представления творчества писателей разговор о “чужом” творчестве неизменно превращался в своего рода повод к разговору о своём собственном творческом кредо.

Являясь примером так называемой писательской критики, набоковские лекции по литературе содержат материал, позволяющий глубже проникнуть в идейно-смысловое наполнение творческих разработок писателя. Фактически, лекции по литературе представляют собой творческую лабораторию Набокова-художника по выработке и (учитывая годы их создания) суммированию литературоведческих концепций писателя. В чётком очерчивании позиции Набокова-критика по отношению к творческому наследию других творцов, что мы наблюдаем именно в лекционных курсах по литературе, “просвечивается” стремление писателя выработать ясную, прозрачную систему эстетических взглядов.

В фокусе внимания В.Набокова-лектора оказываются представители английской, немецкоязычной, французской литератур. Поскольку лекция является особым жанром, предполагающим не только изложение материала, но и его непосредственную интерпретацию, справедливым будет рассматривать набоковские лекции в качестве примера писательской критики, так как “интерес к творчеству художников слова, как правило,

отражается во всём творчестве писателя. Это обусловлено необходимостью постепенного осмысления чужого опыта, “вживания” в него и его “переживания” <...> Переосмысленные “чужие” идеи и образы становятся ключом, кодом, представляющим традицию, способствующим “дешифровке” текста” [2, с. 31]. Мы хотели бы рассмотреть набоковскую лекцию о Г.Флобере в контексте творчества самого В.Набокова.

Французская гувернантка, толстая Mademoiselle, подробно описанная в мемуарах, поселилась у Набоковых, когда Владимиру было шесть лет, и хотя “Госпожа Бовари” Флобера отсутствует в списке романов, которые она читала вслух своим подопечным, книга, безусловно, имелась в семейной библиотеке. В книге “Память, говори” (английский вариант русскоязычного романа “Другие берега”) Набоков рассказывает о том, как зачитывался произведениями Майн Рида, и утверждает, что лорнет в руке одной из его мучимых героинь впоследствии нашел у Эммы Бовари.

Начиная разговор о Г.Флобере, В.Набоков говорит: “Переходим к наслаждению еще одним шедевром, еще одной сказкой. Из всех сказок нашей серии “Госпожа Бовари” Флобера – самая романтическая. С точки зрения стиля перед нами проза, берущая на себя обязанности поэзии” [4, с. 183]. Отметим, что В.Набоков уже в начале лекции предлагает слушателям/читателям следовать определённому плану при рассмотрении романа Г.Флобера. На наш взгляд, весьма показательным является этот план анализа текста, поскольку он “выказывает” приверженности Набокова-художника: “... Как желал бы этого Флобер: с точки зрения структур <...>, тематических линий, стиля, поэзии, персонажей” [4, с. 184]. Характерно похожим оказывается для В.Набокова и Г.Флобера отношение к стилю. Г.Флобер, как известно, придавал исключительное значение мастерству, хотел написать книгу, которая поддерживалась бы одной силою стиля, стоял у истоков той традиции, которую впоследствии назвали “сознательным творчеством”. Так, в романе “Бледный огонь” явно господствует система параллелей. Прием для В.Набокова не новый, да и далеко не первым в литературе он обнаружил его возможности. Комментатор в этой связи уминает имя Г.Флобера.

В.Набоков хорошо знал творчество Г.Флобера и часто использовал мотивы его произведений в своих книгах. Он сам в этом признавался, говоря, что “мои симпатичные маленькие подражания роману “Мадам Бовари”, которых хорошие читатели не могут не заметить, являются сознательной данью Флоберу. Припоминаю, что когда писал одну из сцен “Король, дама, валет”, припоминал, как Эмма пробиравалась на заре к замку своего любовника по невозможно ненаблюдательным глухим переулкам – ибо даже Омэ клюет носом” [5, т. 4, с. 406]. В романе В.Набокова “Ада” прямо цитируется Г.Флобер. Также имя гувернантки Ады отсылает нас косвенно еще к врачу, ухаживающему за умирающей Эммой в конце романа Флобера. Эта связь опять мотивируется посредством многих других ссылок на флоберовский подтекст в “Аде”. Образ мадам Бовари присутствует и в “Лолите”. В

день, когда Гумберт собирается писать заключительные главы своей исповеди, он размышляет о стабильности судеб литературных героев. Там упоминается и героиня Флобера: “Никогда не поправится Эмма Бовари, спасенная симпатическими солями в современной слезе отца автора” [1, с. 106].

Свою близость к фигуре Г.Флобера В.Набоков ощущал и в судьбе их произведений. Так, роман Г.Флобера “Госпожа Бовари” был объявлен крамольной книгой, развращающей молодежь, за что автор был привлечен к суду. Известный роман “Лолита” тоже претерпел определённые трудности на пути к читателю, став причиной судебного разбирательства. В конце концов два “сосланных и проклятых” романа принесли славу и признание писателям.

Работая над текстом романа Флобера “Госпожа Бовари”, В.Набоков старается показать, как “самодовольный мир филистеров, разного рода мошенников и неверных жен”, представленный со всей полнотой правдивости, автор преобразует в “один из самых прекрасных образцов поэтической прозы”, достигая этого “приведением всех частей в гармоническое соответствие” [4, с. 183–187]. Трудность задачи, поставленной перед собой Г.Флобером, состоит в попытке соединить несоединимое: безнадежную заурядность будничной жизни, ее красоту и высокий драматизм. В.Набоков демонстрирует приемы, благодаря которым автору удается “смягчить” прозу жизни своим изложением. Один из них – ирония, позволяющая избежать однозначной оценки при раскрытии убогого внутреннего мира героев: “Брешей в обороне у Омэ немало...” [4, с. 199]. В.Набоков рассуждает о том, что всегда есть трещина в броне обывателя, он непременно сделает что-нибудь такое, что выдаст его с головой. Омэ старается втиснуть все свои познания в фразу, что свидетельствует лишь о том, что у него хорошая память на обрывки газетных статей и памфлетов: “Его память забита расхожими латинскими цитатами...” [4, с. 199].

Псевдонаучность Омэ – своеобразная пародия на псевдоромантичность Эммы.

Привести части в гармоническое соответствие Г.Флоберу удастся и другими приемами: живописным искусством, композицией романа, основанной на возвращении отдельных тем, сказочных эпизодов “перекличек” и “предсказаний”, внутренне сближающих разные события (например, сцену свадьбы и сцену похорон), что придает обыденным явлениям неожиданно-драматический смысл.

Особо отмечается прием, который Набоков-критик называет “методом контрапункта”, позволяющий показывать жизнь в разных эмоциональных ключах одновременно (разговор обывателей, повторяющих на разные лады избитые истины, и нежное чувство зарождающейся любви, которое заполняет паузы разговора). “Предмет изображения может быть сам по себе грубым и отталкивающим, а его изображение – художественно выразительным и гармоничным. Это и есть стиль. Это и есть искусство, и это единственное, что понастоящему имеет значение в литературе” [4, с. 450].

Тексты лекций В.Набокова, “подпитанные” литературными реминисценциями, аллюзиями, цитатами из зарубежной классики, не только усложняются сами по себе, наполняясь разнообразными интертекстуальными коннотациями, но и, как ни парадоксально, проясняют потаенные смыслы и замыслы авторов XIX века. Чаще всего Набоков “договаривал” то, что, в силу разнообразных обстоятельств, оставалось в подтексте или “за текстом” произведений его предшественников.

Эстетические взгляды Набокова-критика, отражившиеся в лекциях по литературе и являющиеся своеобразным комментарием ко всему художественному творчеству В.Набокова, на наш взгляд, позволяют ясно представить личность зрелого мастера, находящегося на ступени высшего развития таланта, и открывает широкие перспективы для дальнейшего изучения всего творчества писателя, в той или иной степени связанного с традициями зарубежной литературы.

Литература

1. Бланк К. О “Лолите” Набокова // Набоковский вестник. – СПб. : Дорн, 1998. – Вып. 1. – С. 101–108.
2. Кочетова С. А. Литературно-критическое творчество русских писателей-модернистов: жанрология, композиция, ритм, стиль : монография / С. А. Кочетова. – Донецк : Норд-Пресс, 2006. – 240 с.
3. Набоков В. Лекции по русской литературе / В. Набоков ; пер. с англ. ; предисловие Ив. Толстого / В. Набоков. – М. : Независимая газета, 1996. – 440 с.
4. Набоков В. Лекции по зарубежной литературе / В. Набоков ; пер. с англ. ; под ред. В. А. Харитоновой ; предисл. к рус. изд. А. Г. Битова. – М. : Издательство “Независимая газета”, 1998. – 512 с. – (Серия “Литературоведение”). – Прил. : Набоков В. В. “Мигель де Сервантес Сааведра”.
5. Набоков В. В. Собр. соч. : в 5 т. : американский период / В. В. Набоков. – СПб., 2000.
6. Юркина Л. А. Лекции В.В.Набокова о литературе / Л. А. Юркина // Русская словесность. – 1995. – № 8. – С. 74–86.